

законов П.А. Харитонов, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь–декабрь 1905 г.) // Таврические чтения 2010... С. 29–99.

<sup>4</sup> Основные государственные законы. Сравнительное изложение проекта, внесённого по Высочайшему повелению на рассмотрение Совета министров, и проекта, изменённого по замечаниям Совета [СПб., 1906].

<sup>5</sup> Малышева О.Г. Избирательная система и выборы в Государственную думу Российской империи // Таврические чтения 2010... С. 100–111.

<sup>6</sup> Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. С. 97, 120, 156–158.

<sup>7</sup> Сидоренко Н.С. Депутаты и политика (из истории Уральского депутатского корпуса Государственной думы России (1906–1917)) // Таврические чтения 2010... С. 135–143.

<sup>8</sup> Костылёв А.В. Санкт-Петербург и Москва на выборах во II Государственную думу // Там же. С. 170–182.

<sup>9</sup> Корнева Н.М. Запросы Государственной думы о деятельности тюремных учреждений (1906–1917) // Там же. С. 112–134.

<sup>10</sup> Государственная дума. Созыв 1. Указатель к стенографическим отчётам. СПб., 1907. С. 252–257, 260–261, 266–267, 290–291.

<sup>11</sup> Афанасьев Г.Ю. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и её общественно-политический резонанс: выигрыши и просчёты // Таврические чтения 2010... С. 183–191.

<sup>12</sup> Гайда Ф.А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Там же. С. 192–202.

<sup>13</sup> Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 287.

<sup>14</sup> Там же. Стб. 898.

<sup>15</sup> Златина М.А. IV Государственная дума и проблема еврейских беженцев в годы Первой мировой войны // Таврические чтения 2010... С. 213–219.

<sup>16</sup> Иванов А.А. Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н.Е. Маркова в Госу-

дарственной думе 22 ноября 1916 г. // Там же. С. 220–230.

<sup>17</sup> Гронский А.Д. Отношение политической полиции к депутатам Государственной думы (по воспоминаниям руководителей политического сыска) // Там же. С. 231–247.

<sup>18</sup> Кирьянов И.К. Парламентаризация монархии в России начала XX века: провал первого отечественного опыта перехода к демократии // Там же. С. 248–259.

<sup>19</sup> Николаев А.Б. К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) // Там же. С. 260–309. В приложении перечислены 115 членов Думы всех созывов, участвовавших в Совещании.

<sup>20</sup> Яковлева О.А. Проблемы развития системы путей сообщения на Российском Дальнем Востоке в деятельности Государственной думы (1906–1917) // Там же. С. 144–157; Ведерников В.В. Первая парламентская дуэль (альтернативные подходы к решению аграрного вопроса в I Государственной думе и их судьба) // Там же. С. 158–169; Бокарева Л.С. К вопросу о законодательных предположениях IV Государственной думы по реформированию православного прихода (1913 г.) // Там же. С. 203–212.

<sup>21</sup> Исмагулова Т.Д. Жизнеописание «фарфорового» барона: депутат Государственной думы Николай Борисович фон Вольф (1866–1940) // Там же. С. 310–322.

<sup>22</sup> Гаджиев С.Т. История парламентаризма в Азербайджане (декабрь 1918 – апрель 1920 года) // Там же. С. 322–330.

<sup>23</sup> Ткаченко В.В. Отмена «политреформы» 2004 года: новые политические реалии и перспективы дальнейшего развития Украины // Там же. С. 348–356.

<sup>24</sup> Тарасова Е.А. Съезд народных депутатов РСФСР–РФ 1990–1993 гг. – коммунистическая оппозиция или демократическая альтернатива? // Там же. С. 331–347.

<sup>25</sup> Колесников В.Н. Эволюция российского парламентаризма: традиция против модернизации // Там же. С. 357–373.

## **Р.Г. Гагкуев. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 704 с.**

В книге Р.Г. Гагкуева всесторонне анализируются вопросы, связанные с военным строительством на Белом Юге России в годы Гражданской войны. При этом особое внимание уделено проблеме

социального состава Белого движения, которую специально рассматривали лишь некоторые отечественные историки: Л.М. Спирин, С.В. Устинкин, В.Ж. Цветков, В.Н. Романишина<sup>1</sup>. Однако до сих

пор нет обобщающего труда ни по одному из белых фронтов, а вопрос «Кто сражался в белых армиях?» остаётся актуальным сегодня и для историков, и для общества в целом. Специфика рецензируемой монографии заключается в избранном Гагкуевым ракурсе<sup>2</sup>. Ключом к пониманию исследуемой проблемы автор считает не внутреннюю политику различных белых правительств, «привлекавшую» или «отталкивавшую» от них различные слои населения, а военное строительство белых армий на всех этапах Гражданской войны на Юге России (ноябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.).

В первой части книги («Добровольчество») рассказывается о начале строительства всех белых армий на Южном фронте Гражданской войны в конце 1917 г. – 1918 г. В первые военные месяцы офицерство составляло 50–60% всей Добровольческой армии, равно как и донских и кубанских партизанских отрядов (общая численность которых достигала всего нескольких тысяч человек); кроме них, в добровольцы шли преимущественно учащая молодёжь и казаки. Но подобный «классово ограниченный» состав белых сил в начале 1918 г. был вызван отнюдь не желанием командования создать исключительно офицерские добровольческие части, а невозможностью осуществить мобилизацию населения. В наиболее проигрышном положении из всех белых армий того периода оказалась Добровольческая, не имевшая «своей» территории, находившаяся «в гостях» у донских казаков. Верховный руководитель армии генерал М.В. Алексеев и её командующий – генерал Л.Г. Корнилов не смогли даже объявить призыв всех российских офицеров на Дон, опасаясь тем самым усилить раскол в Донском войске, не желавшем обострения отношений с советской властью. В этих условиях командование сумело сформировать лишь сравнительно небольшую по численности, но вполне боеспособную и дисциплинированную группировку из добровольцев, среди которых «не было ни одного человека, который попал бы в её ряды по набору или по принуждению»<sup>3</sup>.

Только после соединения в марте 1918 г. с Кубанским правительственным отрядом

части Добровольческой армии стали пополняться казаками, мобилизованными Кубанской краевой радой. С этого времени начал меняться и социальный облик армии, ставшей к концу 1918 г. более чем на 50% казачьей. Необходимо отметить, что донское казачество, восставшее против советской власти весной того же года, в мае восстановило войсковые институты власти, начало строительство собственной Донской армии, полностью независимой от Добровольческой. Отличительной особенностью этого военного строительства стало проведение донскими властями широкой мобилизации казаков, затронувшей почти всех, способных держать в руках оружие в возрасте 17–55 лет. По мере занятия Добровольческой армией в ходе Второго Кубанского похода территории Кубанского казачьего войска войсковые власти мобилизовывали в её ряды казаков-кубанцев. Несмотря на большие потери, силы армии неуклонно росли как за счёт мобилизованных, так и благодаря притоку добровольцев из разных регионов страны. Занятие первых территорий – Новороссийской и Ставропольской губерний – позволило командованию Добровольческой армии начать призыв населения нескольких возрастов в свои ряды. Приведённые Гагкуевым документы наглядно показывают, что «к концу 1918 – началу 1919 г. донское и кубанское казачество составляло основную массу полков Добровольческой и Донской армий, а затем и ВСЮР (Вооружённые силы Юга России. – С.Б.), составляя более половины всех сил» (с. 263). В то же время ядром белых армий, вокруг которого шло наращивание сил, оставалось офицерство (к концу года его доля снизилась примерно до 30%).

Автор справедливо обращает внимание на важное обстоятельство в становлении южнорусского Белого движения: период мая–декабря 1918 г. прошёл в неоднократных попытках установления единого командования всеми белыми силами, которое увенчалось успехом только после вмешательства союзных миссий Антанты. Очевидно, что путь консолидации, который в 1918 г. прошли Добровольческая и Донская армии, Кубанский правительственный отряд и Южная армия, оказался не только очень сложным, но и слишком

длительным. Так, когда в Советской России уже вовсю шло полномасштабное строительство Красной армии, белые только в конце декабря 1918 г. образовали единые ВСЮР. К тому же, как показало время, единство их было скорее декларируемым, чем подлинным.

Вторая часть книги («Между добровольчеством и регулярством») отражает проходивший во ВСЮР в 1919 г. – начале 1920 г. исключительно сложный процесс, в течение которого белые достигли и своих наивысших успехов, и потерпели сокрушительное поражение. Численный рост белых армий начался с массовых мобилизаций населения в занимаемых ВСЮР губерниях Украины и Центральной России. Если к началу июня 1918 г. Добровольческая армия насчитывала примерно 9 тыс. человек, то к середине июля 1919 г. численность ВСЮР достигла уже почти 245 тыс. (включая нестроевых и тыловиков). В 1919 г. большинство военнослужащих оказалось во ВСЮР по мобилизации, но немало было и добровольцев из крестьян, рабочих, представителей интеллигенции и средних городских слоёв, учащихся. При этом ядром армии по-прежнему оставалось офицерство, несмотря на то что доля его к осени 1919 г. из-за увеличения общей численности ВСЮР составляла не более 10%.

В результате аграрной политики советской власти и «раскачивания» крестьянство и казачество наиболее активно в 1919 г. поддерживали белых. Донское, кубанское и терское казачество суммарно составляло к этому времени около 50% от численности белых армий. Большую же часть личного состава неказачьих полков ВСЮР составили крестьяне – в основном мобилизованные в занятых белыми областях и пленные красноармейцы. Показательно, что тогда же сформировали отдельные воинские части из рабочих. Как отмечает автор, «их значение и роль не были велики, но сам по себе факт их существования говорит об участии в Белом движении всех сословий российского общества» (с. 478).

Однако намеченный штабом главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина переход к строительству вооружённых сил на регулярной основе в

силу ряда причин полностью так и не был осуществлён. Масштабное развёртывание новых частей белых армий, несмотря на желание командования регламентировать и упорядочить этот процесс, в немалой степени продолжалось на основе «добровольческой импровизации». «Подойдя к Орлу, белая армия жила всё тем же опытом Кубанского похода, той же тактикой, с той же системой комплектования и назначения командного состава», – отмечал в воспоминаниях генерал Е.И. Достовалов, занимавший во время «похода на Москву» должность начальника штаба 1-го армейского корпуса Добровольческой армии<sup>4</sup>. Как следствие, «неудачи в строительстве мобилизационного аппарата, просчёты в строительстве вооружённых сил привели к тому, что в то время как Красная армия всё более приобретала черты регулярной, ВСЮР при наличии большого количества опытных офицеров оставались, по сути, полудобровольной/полурегулярной армией» (с. 471). И с этим утверждением автора нельзя не согласиться. Неудача «похода на Москву» объясняется причинами не столько политическими, на что неоднократно обращалось внимание в отечественной историографии, сколько, по мнению Гагкуева, просчётами белых в военной политике и строительстве своих вооружённых сил. В решающий момент у генерала Деникина не оказалось пополнений, способных укрепить фронт, что привело к отступлению, а затем и фактическому разгрому ВСЮР. Как убедительно показывает автор, отрицательную роль сыграли и сложные взаимоотношения между командованием ВСЮР и казачьими властями, перешедшие осенью 1919 г. в открытый конфликт. В результате сторонники «единой и неделимой России» (деникинское окружение) и «самостийники» (кубанские войсковые власти) так и не смогли достичь согласия, что ослабило и без того находившийся в сложном положении фронт.

Последняя часть книги («Русская армия») охватывает крымский период Белого движения марта–ноября 1920 г. Такое название отражает процессы, происходившие во ВСЮР после того, как их возглавил генерал П.Н. Врангель. Благодаря проведённой им в Крыму военной

реформе, ВСЮР не только были переименованы в Русскую армию, но и приобрели черты регулярных частей. Хотя армия Врангеля сильно уступала в численности противостоящим ей частям Красной армии, но на протяжении полугода успешно вела боевые действия, пока это численное превосходство не достигло подавляющих размеров. Как верно отметил один из участников Белого движения генерал Б.А. Штейфон, в Крыму «диагноз болезни был поставлен правильно, и генерал Врангель повёл свои войска по путям Русской армии. Эта благотворительная реформа, хотя и сильно запоздавшая, быстро возродила деморализованные долгим отходом части и помогла... удерживать Крым в течение семи месяцев»<sup>5</sup>.

В 1920 г. в белых армиях по-прежнему были представлены все слои населения России. Изменился только способ комплектования полков. Если в 1919 г. большинство включалось в них по мобилизации, то в 1920 г. части Русской армии пополнялись главным образом а счёт пленных красноармейцев. Такой источник её комплектования в это время стал основным, что объяснялось истощением людских ресурсов белого Крыма. Крестьяне, ещё вчера сражавшиеся в рядах Красной армии, продолжали воевать в Гражданской войне на стороне белых в составе армии Врангеля (случаи обратного перехода стали массовыми лишь в самом конце противостояния).

Но общее поражение, которое потерпели белые силы на всех фронтах в конце 1919 – начале 1920 г., делало шансы белого Крыма на победу в войне мизерными, что, естественно, понимал и сам Врангель. Начатая им широкая реформаторская деятельность не успела принести заметных результатов как в силу отведённого на них времени, так и территории, на которой она проводилась. Вполне вероятно, что если бы зиму 1920/21 гг. Русская армия «пересидела» в Крыму, её шансы на успех в связи со вспыхнувшими по всей стране весной–летом крестьянскими восстаниями значительно повысились бы. Но в результате наступления Красной армии история белого Крыма, а вместе с ним и Белого движения на Юге России, завершилась.

Одной из несомненных заслуг автора является сделанный им вывод о широком социальном составе участников Белого движения, не ограничивавшемся только двумя служилыми сословиями – офицерством и казачеством. Соотношение крестьян, мещан, рабочих, представителей интеллигенции и др. и характер их привлечения в белые армии на протяжении войны, конечно, менялись. Большинство, как и в любой действующей армии (в том числе и Красной), составляли мобилизованные. Безусловно, что увеличение численности белых армий вело к росту в них дезертирства. Но не следует забывать, что явление это в Гражданскую войну было общим злом для противостоящих сторон, а дезертирство из Красной армии в 1919–1920 гг. имело гораздо большие масштабы. Характерно другое – среди всех слоёв российского общества находились добровольно вступавшие в белые армии.

Подводя итоги своему исследованию, автор обоснованно обращает внимание на недооценку при изучении Гражданской войны в России значения допущенных белым командованием ошибок в военном строительстве. Именно они, по мнению Гагкуева, стали одной из главных причин поражения Белой России в противостоянии с Советской. «Ориентация на добровольчество, очевидные неудачи в военном строительстве и мобилизационной политике ставили полки ВСЮР перед необходимостью всегда сражаться с численно превосходящим их противником и постоянно нести невосполнимые потери в людях, равноценной замены которым не предвиделось. Добровольческое “качество” раз за разом наносило поражение красному “количеству” до тех пор, пока это “количество” не стало не только преобладающим, но и не приобрело черты регулярной армии» (с. 609).

В целом издание отличается энциклопедичностью, имеет именной указатель, насыщено представленными в тексте и в приведённых в приложениях таблицах цифровыми данными. При этом автор, как правило, брал их из нескольких источников, сопоставлял и отбирал, на его взгляд, самые надёжные. Полагаю, что книга Р.Г. Гагкуева внесёт заметный вклад в освещение истории военного строитель-

ства белых формирований Юга России в 1917–1920 гг. и послужит побуждающим примером к написанию аналогичных исследований по истории Белого движения в других регионах России.

**С.Н. Базанов**

#### Примечания

<sup>1</sup> *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920). М., 1968; *Ус-тинкин С.В.* Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995; *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. М., 2000; *Романишина В.Н.* Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в

России (1917–1920 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

<sup>2</sup> В этой книге Гагкуев продолжил и значительно расширил своё диссертационное исследование, посвящённое рассматриваемой теме, на материалах 1-го армейского корпуса Добровольческой армии (*Гагкуев Р.Г.* Белые армии Юга России: особенности источников комплектования и социального состава. 1917–1920 гг.: На материалах первого армейского корпуса. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003).

<sup>3</sup> *Лукомский А.С.* Воспоминания // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 1. Генерал Корнилов. М., 1993. С. 240.

<sup>4</sup> *Достовалов Е.И.* За что и как мы боролись // Источник. 1994. № 3. С. 51.

<sup>5</sup> *Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 350.

### **В.А. Матвеев. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: ООО «Омега Паблишер», 2012. 560 с.**

Имперская проблематика прочно вошла в перечень исследовательских приоритетов отечественной исторической науки, что доказывается заметным ростом числа публикаций, освещающих вопросы, так или иначе связанные с различными аспектами функционирования империй как сложно организованных социальных систем. В российском политическом и социокультурном контексте осмысление исторического опыта построения политических, экономических и культурных мегасистем, а также оценка их жизнеспособности и конструктивного потенциала приобретает особую остроту, обусловленную ситуацией, наблюдаемой в ряде регионов и в особенности на Северном Кавказе, где конфликтогенные факторы не нейтрализованы, а загнаны вглубь. Всё это указывает на чрезвычайную актуальность монографии В.А. Матвеева, которая обобщает результаты многолетних научных изысканий автора. В центре его внимания – противоречивые тенденции в формировании имперского универсума, наиболее отчётливо проявившие себя во второй половине XIX – начале XX в., но так и не приведшие к окончательной ин-

теграции иноэтничных сообществ. При этом ключевым для автора становится понятие универсализма, трактуемого им как производное от империи, но включающее цивилизационную составляющую. Именно принцип универсализма, по мнению Матвеева, определял общую направленность российской политики на окраинах империи.

Структурно монография состоит из шести глав. Первые две из них знакомят читателя с источниками и историографией темы. Поисковая работа в 15 центральных и местных архивохранилищах позволила исследователю собрать богатый и разноплановый материал, свидетельствующий как о динамике формирования этнополитического единства на юге Российской империи, так и о представлениях об исторической миссии России на Кавказе, существовавших в исследуемый период в административно-управленческой среде и в общественном мнении. Наряду с этим в книге широко использованы и опубликованные документы нормативно-правового, делопроизводственного и законодательного характера. Обстоятельно анализируя историографию, Матвеев не просто де-